

📖 Поэзия:
Илья Марков

- * *В стихе, стремясь расположить...*
- * *Завязал на счастье узелок...*
- * *Среди глупцов и бездорожья...*
- * *Девочка-ангел, живой цветок...*
- * *Решайся скорей - не зря говорят...*
- * *Годами тянулось, мялось...*
- * *Ты уезжаешь не на день, не на год...*
- * *Давай поговорим о молоке...*
- * СОНЕТ
- * *Здесь жить нельзя...*
- * *Чтобы жизнь не портили печали...*
- * *В нетопленной стране...*
- * *Вижу в последние дни все чаще...*
- * *Настоящее настоящее...*
- * *Заветные младенческие грезы...*
- * *Заполненный водою грот...*
- * *Ты прав, Грюнбайн, все было...*
- * *Жизнь выпита без остатка...*
- * *Приходишь в дом, а в доме никого...*
- * *Когда-нибудь весна придет...*
- * *Осенний вечер темен и суров...*
- * *Когда на улице весна...*
- * *Слезы пронзительным ветром не вытереть...*
- * НА СМЕРТЬ И. БРОДСКОГО
- * ПАМЯТИ Д. БЕСОГОНОВА
- * **ВООБРАЖЕНИЕ РАКА ИЛИ РАК ВООБРАЖЕНИЯ**

* * *

В стихе, стремясь расположить
Слова в порядке надлежащем,
Сумел я в связи уличить
Сказуемое с подлежащим.
Они, прижатые к стене,
Держались за руки, как дети,
И тихо объясняли мне,
Что на странице, как на свете,
Любовь всех вместе взятых муз

Могущественнее и сильнее...
И, смиловившись, их союз
Я подписал рукой своею.

^
--

* * *

Завязал на счастье узелок,
Против сглаза пальцы рук скрестил -
Сделал все, что мог и что не мог -
Все равно удачу упустил.
Но кричать и плакать он не стал,
Усмехнулся и продолжил путь -
Только с кривоватого моста
Бросил рубль в синеющую студь.

^
--

* * *

Среди глупцов и бездорожья,
В большой неприбранной стране
Я родился по воле божьей,
Хотя считаю, что по не-
Доразумению, однако,
Живя на лучшем берегу,
Обитель горечи и мрака
Забуть едва ли я смогу -
Поскольку русское раздолье
И Византийской веры высь
Чужой бедой и личной болью
С моей душой переплелись.

^
--

* * *

Девочка-ангел, живой цветок,
Робкий осколок небесных сфер
Чувствует, как равнодушный ток
Силой бездушных своих ампер
Тело терзает, чтоб на века
В память впечатался миражом
Образ пустого половика
Между кушеткой и стеллажом.

Любит, не любит - какая блажь,
Все переменится, протечет.
Солнца сияющий экипаж
Пересекает небесный свод,

В луг за нектаром спешит пчела,
Чтоб изготовить душистый мед -
Скомкай безжалостное Вчера,
Завтра надежду тебе вернет.

Девочка-радость, небесный дар -
Птица, познавшая смысл высот,
Хмурый седеющий санитар
Зла тебе больше не принесет:

Ты обернись, за твоим плечом,
Если не веришь, сама проверь,
Дева Мария стоит с ключом,
Что отворяет любую дверь.

^
--

* * *

Решайся скорей - не зря говорят -
Любимых не ждут
Любимых крадут,
Любимых когтят
И нежно несут
Туда, где лежит на высоком плато
Заветная пядь,
Где счастье твое не посмеет никто,
Не сможет отнять.

^
--

* * *

Годами тянулось, мялось,
Ночами во тьме тряслось,
Хотелось, но не решалось,
А может быть, - не моглось.
Когда же пропала вялость
И силы нашлись в груди -
Проехалось, опоздалось,
Развеялось по пути.

^
--

* * *

Ты уезжаешь не на день, не на год.
Ты уезжаешь, а я остаюсь.
Спелыми гроздьями розовых ягод
Зреет в душе безнадежная грусть.
Вызреет - будут незримые птицы
С тенью печали на призрачных лицах
Дружно слетаться на маленький куст,
Чтобы изысканной дерзостью клювов
Выразить больше, чем фраза "Люблю Вас",
неосторожно слетевшая с уст...

^
--

* * *

Давай поговорим о молоке,
О твороге, о сыре адыгейском,
О нежных глазированных сырках,
О йогуртах с различной начинкой,
О жирности сметаны и снежка,
Вреде и пользе бифидобактерий,

О методах лечения кумысом
И трудности лактации у женщин.
И тему исчерпав для разговора,
Но, не придя к взаимному согласью,
Усталость губ сотрем сухой ладонью,
Погасим свет и молча спать пойдем.

^
--

СОНЕТ

Я вижу целый мир в твоих глазах:
Леса и реки, горы и долины,
На северном и южном полюсах
Огромные дрейфующие льдины,
Ведомые неведомо куда
Порывами стремительного ветра,
Бесчисленные села, города,
Идущие на много километров
Пустыни и цветущие сады,
Вечерние стоянки бедуинов,
Трактиры и торговые ряды
И древности заросшие руины.
Я вижу целый мир в глазах твоих -
Давай его поделим на двоих!

^
--

* * *

Здесь жить нельзя,
Но мы живем.
Здесь петь нельзя,
Но мы поем.
Здесь в царстве холода
И тьмы
Нельзя любить,
Но любим мы.
Растим детей
И пьем вино

И сквозь
Чердачное окно
Глядим на звезды,
Где живут
Не так, как тут.

^
--

* * *

Чтобы жизнь не портили печали,
Память забросали кирпичами
А потом за город отвезли,
Где ее истерзанное тело,
Чтоб оно воскреснуть не сумело,
Забросали комьями земли.
Поначалу так оно и было:
Ничего не екало, не ныло,
Не скребло, ворочаясь в груди.
Но потом в единое мгновенье
Все вернулось, будто наважденье,
Тысячей безликих Эвридик,
Сотней душ, тобою не спасенных,
Темной Летой в Тартар унесенных,
Ужасом ночного миража.
Думали - убили, не воскреснет,
Но она вернулась с жаждой мести -
Острая, как лезвие ножа.

^
--

* * *

В нетопленной стране,
Укутанные в шубы,
Спят дети и во сне
Играют на песке,
И нежную волну,
Шутя, целуют в губы,
И бронзовый закат
Сжимают в кулаке.

В нетопленной стране,
Где пасмурно и сыро,
Где ходики мертвы
И холодильник пуст,
Спят дети и тепло
Неведомого мира
Завянуть не дает
Букету светлых чувств.

^
--

* * *

Вижу в последние дни все чаще
Призрак стареющей *неМадонны* -
Матери, чадо свое кормящей
Млеком отравленным белладонны.
Вижу сухое лицо младенца -
Тонкое, будто пергамент, с черным
Взглядом, таящим в себе Освенцим -
Сонмище трупов, укрытых дерном.
То, что ушло - не вернется. Нынче
Время другое, другие лица;
Кисть современного *неДаВинчи*
Живописует детоубийцу.

^
--

* * *

Настоящее настоящее
Не стоящее на пути,
Не грозящее, не просящее -
Подходящее настоящее
Я хочу для себя найти.
Не грядущее, не прошедшее,
Не идущее, не ушедшее
Отыскать для себя хочу -
Говорят - я желаю многого,
Не дано человеку - богово,

А я все же ищу, ищу...

^
--

* * *

Заветные младенческие грезы
Погребены под тяжестью забот,
Недвижные иссохшие березы
Взирают равнодушно на завод,
Который на последнем издыханьи
Еще дымит единственной трубой,
К которой я нелепым изваяньем
Пришпилен равнодушною судьбой.
Повсюду мрак и признак запустенья,
Ни мертвых не увидишь, ни живых,
И только зачарованные тени
В незримых одеяниях своих,
Безумье галактическое множа,
Седые дни бросают на весы.
Ничто на целом свете не тревожит
Безмолвный ужас средней полосы.

^
--

* * *

Заполненный водою грот
Походит на огромный рот,
В котором сотни мелких рыб
Найти спасение могли б
От хитрых и ужасно злых
Зубастых родичей своих.

Но он, к несчастью, - не живой
Заполнен - мертвою водой,
В которой даже пузыри
Не размножаются внутри.
И лишь безжизненный гранит
Со дна задумчиво глядит.

^
--

* * *

Ты прав, Грюнбайн, все было: "Мерседес" -
Бездушный исполнитель приговора,
На скорости вонзившийся в опору
Моста, сухая пепельность небес,
Бессмысленность и обреченность, без-
Жизненность лица с пустым укором,
Задержка непредвиденная "скорой"
И фотокамер щелкающих треск.

Но было и другое - тишина,
Стоящая в почетном карауле
В заполненном людьми пространстве улиц,
И черных птиц косые письма,
Летающие от Тауэра прочь
И королева - темная, как ночь...

^
--

* * *

Жизнь выпита без остатка,
И только в анналах дна
Оставлены для порядка
Две капли ее вина.
Поскольку сухая память
О жизни не так свежа -
Ее не собрать губами,
От ненависти дрожа.

^
--

* * *

Приходишь в дом, а в доме никого:

Ни дочери, ни сына, ни подруги -
И только стены водят хоровод,
И тишина играет буги-вуги.
И поневоле старые мечты,
Которым суждено не воплотиться,
Ты призываешь в мир из пустоты,
Пытаясь человеческие лица
Из старых фотографий и газет
Извлечь, но говорящие руины
Не в силах разбудить угасший свет,
Лишь ночь раздуть - и то наполовину.

— ^ —

* * *

Когда-нибудь весна придет
И, вероятно,
В пейзаж безжизненный внесет
Живые пятна,
Добавит зелени в луга,
В озера - сини,
И, дня раздвинув берега,
Оденет в мини
Красивых женщин, и тогда
На всей планете
Начнется таяние льда,
А вслед за этим
Наденет благостный подзол
Камзол парадный,
И сложит лапки богомол
Некровожадный,
И просияет из-за туч
Лицо удачи
Для всех, кто в жизни невезуч
И незадачлив.

— ^ —

* * *

Осенний вечер темен и суров,
Как мысли завсегдаев пивной,
В зловещем царстве улиц и дворов
Хозяничает ветер продувной.
На небе из-за туч не видно звезд,
Внизу из-под зонтов не встретишь лиц,
Грустят десятки опустевших гнезд
О сотнях эмигрировавших птиц.
Деревья прижимаются к земле,
Пытаясь сохранить свое тепло,
Качается пространство как желе;
И воздуха толченное стекло
С немалым выдыхается трудом
Из скованной сомнением груди,
И сердце замирает подо льдом
Немыслимой тоски, а впереди -
Сводящая безмолвием с ума,
Пугающая призраком цинги
Бескрайняя холодная зима,
Шесть месяцев безжалостной пурги...

^
--

* * *

Когда на улице весна
И волны свежего эфира,
Стихам становится тесна
Высоколобая квартира.
И чужд мыслительный уют,
И, чтобы вырваться наружу,
Они покоя не дают
Уму, терзают плоть и душу,
И заставляют сесть к столу
Неповоротливое тело,
И в мысли обращают слух,
И принимаются умело
Водить рукою по листу,
Его невинность попирая,
Пока в тиши не прорастут
Соцветья писаного рая.

^
--

* * *

Слезы пронзительным ветром не вытереть.
Лошадь в калошах и ношеном свитере
Мелко дрожит, потому что зимой
Зябко и голодно в городе Питере
Всем, кто хотя бы немного живой.
Теплая сытость сегодня не дешева.
Милая лошадь, родная, хорошая,
Чем в непогоду укрою тебя?
Вечер грозит затяжной порошею.
Ночь наступает, тревожно трубя...

^
--

НА СМЕРТЬ И. БРОДСКОГО

Мне страшно. С каждой неделей
Все ненасытнее тревога,
Все переменчивее цели
И все опаснее дорога,
И нашей жизни окаянной
Все неразборчивей наброски.
И перспективы все туманней...
И умер Бродский...

^
--

ПАМЯТИ Д. БЕСОГОНОВА

Тонкий рябиновый куст
Молит судьбу пощадить.
Вот и октябрь наступил.

Дождь барабанит в окно
Дома, в котором тепло.
Кто-то на улице спит.

Вечер. Округа темна.
Небо висит над землей.
Больше не петть соловью.

^
--

ВООБРАЖЕНИЕ РАКА ИЛИ РАК ВООБРАЖЕНИЯ

(История пациента Л., записанная с его слов)

Человеческое бытие нельзя постичь вне безумия -
более того, оно не было бы человеческим, не будь
именно безумие внутренним пределом его свободы.

Жак Лакан

И когда я спустился на самое дно мироздания-
Снизу постучали...

Станислав Ежи Лец

Анамнез

1

*О, Боже мой! Неужто это я?
Всю жизнь мечтал им стать, и вот... им стал,
Когда уже надежда умерла
И руки опустились до колен
Ужели я осмелился восстать
Перед лицом всеобщей пустоты?
Порядком энтропию обуздать
Сумел, поверив в собственную статью.
Однако, если так, то я - герой.*

2

А если нет? А если никогда
Им не был я, то в чем моя заслуга?
И, может быть, мне просто повезло,
Ведь этого могло и не случиться,
По меньшей мере, не произойти,
Родись я у родителей других,

В иной стране, галактике, Вселенной.
Но, слава Богу, звезды и судьба
Довольно благосклонны оказались
К моей душе, рассудку моему -
Мне подарив спасителей домашних!

3

Я вырос в замечательной семье -
Интеллигентной, умной, музыкальной.
(Отца и мать считаю образцом
Морали и порядочности в мире
От них весьма далеко.) Посему
Я теплотой родительской и лаской
Был с самого рожденья окружен.
И ими наслаждался неумело,
Неспешно, но довольно благосклонно,
Не ведая ни в чем ограничений,
Изнеженною сущностью своею
Являя центр семейного порядка,
Казавшегося непоколебимым
И заданным на много лет вперед.

4

Однако все меняется, и время
Тенденцию имеет к коррективам
Любого плана, схемы, перспективы -
И жизнь моя, увы, не исключенье.
Я был изнежен радостями детства,
Храним от всевозможных треволнений.
Не ведал зла, печали не касался,
Но все равно из маленького рая
На перепутье осени и лета
Был изгнан, повторив судьбу Адама,
Еще не оперившимся сознанием
По принуждению знания вкусив.

5

Так наступила школьная пора,
Душившая казарменным порядком
Естественное творчество детей
За стенами бездушных институтов,
Где с помощью безликих механизмов
Из личностей кроились манекены
По тертому шаблону одному.

И, несмотря на труд учителей,
Отдельных одноклассников задатки,
На общем фоне, честно говоря,
Я ощущал слепую агрессивность.
И серость усредненности ждала
Моя душа, что резко выделялась,
Не вписываясь в заданный чертеж
Общепривычной пошлости, поскольку
Все отмечали некую во мне
Чудаковатость, в том числе, и в речи,
А также неестественность движений
И легкую растерянность. Но я
Смог устоять, и только потому,
Что с детства отличался от других
И цену издевательствам познал
Гораздо раньше большинства людей.
Мир злобно потешался надо мной,
Выбрасывал из собственных материй,
Хотя, возможно, он не виноват.
Я ждал любви, отлично понимая,
Что в чистом рафинированном виде
Ее не существует, но она
Единственной была альтернативой
Бездушной неестественности чувств.
Я был чужим в компании любой,
Хотя считался парнем компанейским.
Так было страшно мне не быть, как все, -
Хотелось, чтоб как все. Чтоб не убили.
Но чувство одиночества росло,
И пустота неспешно заполняла
Пространство, предоставленное ей
Для поселенья в левом подреберье -
И, наконец, хлестнула через край,
Сметая все преграды и запреты...

6

Я помню, как все это началось.
Не далее, чем прошлую весною
В один из одиноких вечеров,
Когда от дел недельных отдыхая,
Спокойной ночью перед выходным
Родители храпели за стеною,
Мной овладела смутная тревога
Неясное предчувствие беды,
Тупое неосознанное чувство
Опасности невидимой. Казалось,

Угроза исходила от всего:
От лиц людских, предметов обихода,
Вещей носильных, нижнего белья
И даже от нательного креста,
Что был подарен бабушкой. Я начал
Внезапно понимать язык зверей,
Растений, минералов. Временами
Я ощущал дыхание Земли.
Тяжелое и нервное движение
Пылающего воздуха. Во мне
Открылся дар предвидения смерти.

7

Все чувства остроту приобрели,
Наполнились реальным содержанием
Все звуки стали громче, все цвета -
Насыщеннее, запахи - острее,
Как будто мир приблизился и стал
Контрастнее. Мельчайшие детали
Заметно увеличились, и вся
Казавшаяся мне декоративной
Картина мира - явно ожила
И закружилась красочным смятением.

8

Бежали дни. И с каждым днем все больше
Я изменялся. Мнительность моя
Достигла удивительных размеров,
Пределов понимания. И я
Со слабостью физической своею
И склонностью врожденной к дистимии
Повсюду начал видеть негатив
И повод для изысканного страха:
Боялся быть укушенным клещом,
На рынке многолюдном потеряться,
Оставить жизнь на улице глухой,
И в сумраке вечернем задохнуться.
Я сторонился местности чужой
И чуждостью знакомой обстановки
Заметно тяготился. Вечеру
Не мог заснуть, а утром - пробудиться.

9

Я ощутил внимание к себе

Со стороны бушующего мира.
Невероятно пристальным оно
Казалось мне. Таким оно и было,
Поскольку превратилось, наконец,
Преодолев мое сопротивление,
В необычайно тягостное бремя
Публичности. При выходе из дома
Во взгляды незнакомых мне людей
Я упирался. Сразу за порогом.
Не листья шелестели за спиной,
Но шепот шепелявый раздавался.
Все говорили только обо мне
На улицах, в театрах, магазинах,
Передовицы вышедших газет
Портретами моими красовались.
По радио и сети Интернет
Я слышал мириады сообщений,
При этом большинство из них имело
Прямое отношение ко мне,
Моим друзьям, знакомым, сослуживцам.
Мне стало страшно. Я не находил
Причину мирового интереса
К моей малозначительной персоне,
Которая доселе никого
Не трогала. Поэтому решил
На время затаиться, ожидая
Что вскорости со мной произойдет...

10

А вскоре появились голоса,
Нахальные и громкие, как громы.
Их было очень много, и они
Звучали и снаружи, и внутри,
И голова гудела, как орган,
Глухой Бетховен бесновался в ней.
Но голоса с собою принесли
Не только гром - чудесное уменьье
Передавать на сотни километров
И мысли, и желания. На свете,
Казалось, наступили времена,
Когда необходимость устной речи
Исчезла и обычный разговор
Как стиль коммуникации - утратил
Былую ценность, обрета взамен
Одно ретроспективное значенье.
На смену устаревшим образцам

Общениа пришли передовые,
Изысканные способы. За ними
Грядущее белеет вдалеке.

11

А осенью я начал видеть сны,
Но не во сне, не лунною порою,
А днем, при свете солнца, наяву
Я видел звезды, солнце и луну.
Гигантский слон с крысиной головой
Шагал ко мне по улицам Бейрута.
Казалось, небо вышло из себя,
Распалось на отдельные фрагменты:
При взгляде на наручные часы
Терялся я, не в силах обнаружить
Значенье сообщаемого мне
Послания о времени, поскольку
Я видел цифры, стрелки, циферблат,
Но как-то по отдельности, неявно.
Сложением машинных номеров
Я получал магические суммы,
Сулившие то славу, то покой.
В сиянии неоновой рекламы
Мне виделись божественные руны,
Невидимые сотням проходящих,
И только мне открытые творцом.
Знаменья были всюду, например,
Однажды после тягостной работы
Я возвращался вечером домой,
Зашел в подъезд и очень удивился -
На лестнице меня подстерегал
Огромный пес, весьма свирепый с виду.
Он посмотрел серьезно на меня
И приподнял серебряную лапу,
Как будто бы приветствуя меня.
И посмотрел в глаза мои глазами
Архангела. Я в ужасе отпрянул
И поспешил домой скорей, в котором,
Захлестнутый панической волною,
Пытался запереться и читать,
Строкой печатной нервы успокоить,
В отрывке книги мудрость почерпнуть,
Соединить разорванное эго
Восторженностью классика. Увы,
И это благородное занятие
Успокоенья мне не принесло.

12

Я думаю, что кто-то позвонил
И вызвал специальную бригаду
(Иначе бы не прибыли они,
Не позвонили в дверь мою). Я помню,
Как отворил им, как они вошли -
Четыре белоснежные фигуры,
Похожие на древних полководцев.
Один их вид внушал благоговенье.
Сначала я подумал, что они
Мне посланы спасителем в награду
За долгое смирение мое.
Когда же ощутил прикосновение
Их мертвых рук, то сразу понял - черти.

13

В объятиях приемного покоя
Я был недолго. Грубый санитар
По полутемной лестнице провел
Мое непритязательное тело
В застенки наблюдательной палаты,
Где кто-то пел и громко славил Бога.
Пылающий электроконвульсатор
Меня дразнил языческим ампером.
По пятницам обычно приходил
Высокий хлыщ со свитой, состоящей
Из дюжины молоденьких девиц.
Он бормотал, не глядя на меня:
"Течение зело прогредиентно".
И уходил в зловещей тишине.

14

Полгода я привязанным лежал
К холодной металлической кровати
За то, что откровенно призывал
К восстанию соседей по палате.
И вот однажды в ночь под выходной,
Когда уже надежда угасала,
Я ухитрился руки развязать,
Не разбудив встревоженного эха.
Ночь быстро пролетела, и за ней
Настало искупительное утро.
И я бежал из давящей тюрьмы

При помощи уснувшей санитарки
И ушлого больничного ключа.

15

Теперь я на свободе и теперь
Я сам себе и лекарь, и сиделка.
Грядущее и прошлое во мне
Становятся навеки настоящим.
Я альфа и омега, аз и ять,
Начало и конец, исток и устье.
Я обладаю множеством даров:
Всевидения, всеслышания, всезнанья.
Внезапно мне открылось, что мое
Призвание - поэзия, и слово -
Мой тайный, небесами данный дар.
А Творчество - попытка воскресить,
Возвысить круговерть существованья,
Ведь я творец и, значит, мне творить
И удивлять бесчисленных потомков.
Я думаю, что память обо мне
Навеки сохранится во Вселенной.

^
--

© Илья Марков, 2005-2010.

© Сетевая Словесность, 2005-2010.

Страница открывалась с 11.05.05 1069 раз